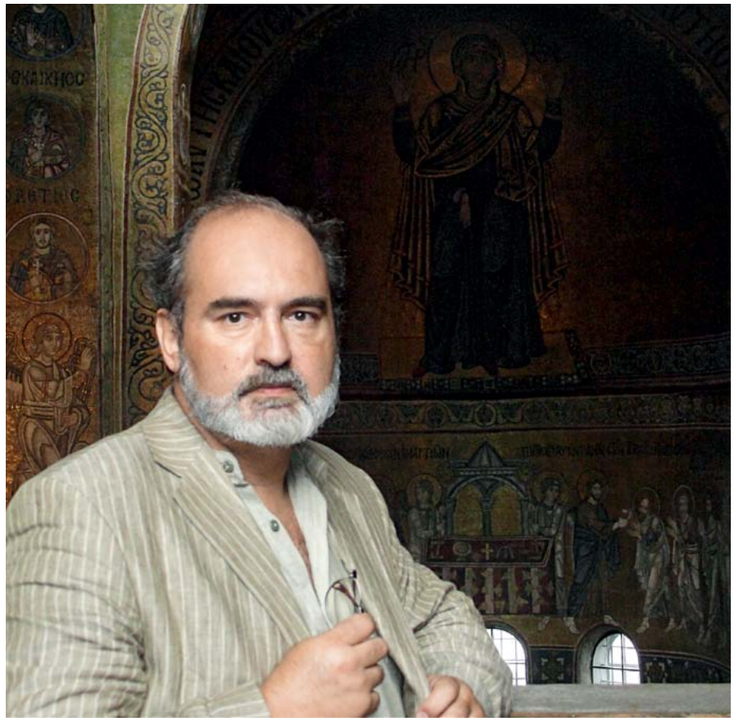
ЛИКИ И МАСКИ ВИЗАНТИИ

ТЕКСТ: «РЕДКИЕ ЗЕМЛИ»



АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛИДОВ
Родился в Москве в семье ученых, физиков и математиков. Стал искусствоведом, окончив отделение истории и теории искусства МГУ. Историк и теоретик искусства, византолог. Академик Российской академии художеств. Основатель и директор Научного центра восточнохристианской культуры. Зав. отделом Института мировой культуры МГУ им. М.В. Ломоносова. Кавалер высшего ордена РАХ «За служение искусству». Автор 27 книг (монографий, научных каталогов, тематических сборников) и более ста научных работ, опубликованных на многих языках.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ВИЗАНТИИ? С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА — НИЧЕГО. В 330-М ГОДУ ДО НАШЕЙ ЭРЫ ДРЕВНИЙ ГОРОД ВИЗАНТИЙ, ПЕРЕИМЕНОВАННЫЙ В ЧЕСТЬ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА В КОНСТАНТИНОПОЛЬ, СТАНОВИТСЯ СТОЛИЦЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. ЭТОТ НОВЫЙ, ВТОРОЙ РИМ, ПРИНЯВШИЙ ХРИСТИАНСТВО, НА ПРОТЯЖЕНИИ ОДИННАДЦАТИ ВЕКОВ СТОЙКО ПРОТИВОСТОЯЛ НАШЕСТВИЯМ ВАРВАРОВ, А ЗАТЕМ АРАБОВ, БЫЛ НЕ ТОЛЬКО ЦЕНТРОМ НАУК И ИСКУССТВ, НО И ГЛАВНЫМ ПЕРЕКРЕСТКОМ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ, СВИДЕТЕЛЕМ БУНТОВ И МЯТЕЖЕЙ, ПОРОЖДЕННЫХ БОГОСЛОВСКИМИ СПОРАМИ, ЦЕНТРОМ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Псковский старец Филофей в начале XVI века утверждал, что кончина Византии условна: статус православной империи был передан единственному оставшемуся суверенному православному государству — Московскому. В этом, по мысли Филофея, не было заслуги самих русских, такова была Божия воля. Однако от русских отныне зависели судьбы мира: если и на Руси падет Православие, то вместе с ним и мир вскоре закончится. Таким образом, Филофей предупреждал Москву о великой исторической и религиозной ответственности. Тема Византии в современной России обрела новую жизнь и неожиданную остроту, вновь оказалась в центре страстных споров. Не там ли наши исторические, духовные, нравственные корни? С этим вопросом мы обратились к историку искусства и византологу с мировым именем Алексею Михайловичу Лидову — академику Российской академии художеств, заведующему отделом Института мировой культуры МГУ, директору Научного центра восточно-христианской культуры.

Император в позе покаяния перед Христом на троне. Мозаичная икона над главным входом в Софию Константинопольскую, X в.

НЕВЕЖЕСТВО БОЛЬШИНСТВА

Первое, что приходит на ум, когда мы говорим о Византии, — тотальное невежество. Люди практически не имеют никакого представления об этой империи. Про Индию и йогу, про Японию с ее чайной церемонией мы знаем гораздо больше. Византия остается сказочной страной, Царьградом из русских былин про Илью Муромца. Это характерно не только для нас, но и для всего мира, потому что эта огромная империя, существовавшая почти тысячу лет, превратилась в миф, к которому есть некое отношение, но о котором, кроме специалистов, никто ничего не знает.

В памяти возникает история, которая произошла со мной в одном маленьком французском городке. Я тогда путешествовал по романским монастырям и храмам Европы. В гостинице, где остановился, познакомился с двумя американскими студентками, очень милыми и образованными девушками. Они спросили меня, чем я занимаюсь? Я ответил — искусством Византии. Они радостно улыбнулись в ответ: как замечательно, что вы занимаетесь искусством страны, которой никогда не было!.. Понимаете, для них Византия — сказка. И дело не в американском образовании. Обычный московский парень, даже хорошо окончивший школу, ничего не знает про Византию. Кто-то, возможно, слышал, что в 1204 году эту империю захватили крестоносцы. Тот, кто изучал основы права, наверное, вспомнит имя византийского

ОНИ СПРОСИЛИ МЕНЯ, ЧЕМ Я ЗАНИМАЮСЬ? Я ОТВЕТИЛ — ИСКУССТВОМ ВИЗАНТИИ. ОНИ РАДОСТНО УЛЫБНУЛИСЬ В ОТВЕТ: КАК ЗАМЕЧАТЕЛЬНО, ЧТО ВЫ ЗАНИМАЕТЕСЬ ИСКУССТВОМ СТРАНЫ, КОТОРОЙ НИКОГДА НЕ БЫЛО!..

ЛИК ОЧЕНЬ ТРУДНО ПОНЯТЬ ЦЕЛИКОМ, ВО ВСЕМ ЕГО МНОГООБРАЗИИ И ВЫСОКОЙ СЛОЖНОСТИ. И ПОЭТОМУ ИЗ ЭТОГО ЛИКА ВСЁ ВРЕМЯ ДЕЛАЮТ МАСКУ, КОТОРУЮ ОЧЕНЬ УДОБНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДЛЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ. ЭТА МАСКА БЫВАЕТ УЖАСНА

императора Юстиниана, правившего в VI веке, потому что на основе античной традиции он создал самый влиятельный кодекс законов — Кодекс Юстиниана. А дальше на авансцену выходят мифы.

ДВА МИФА

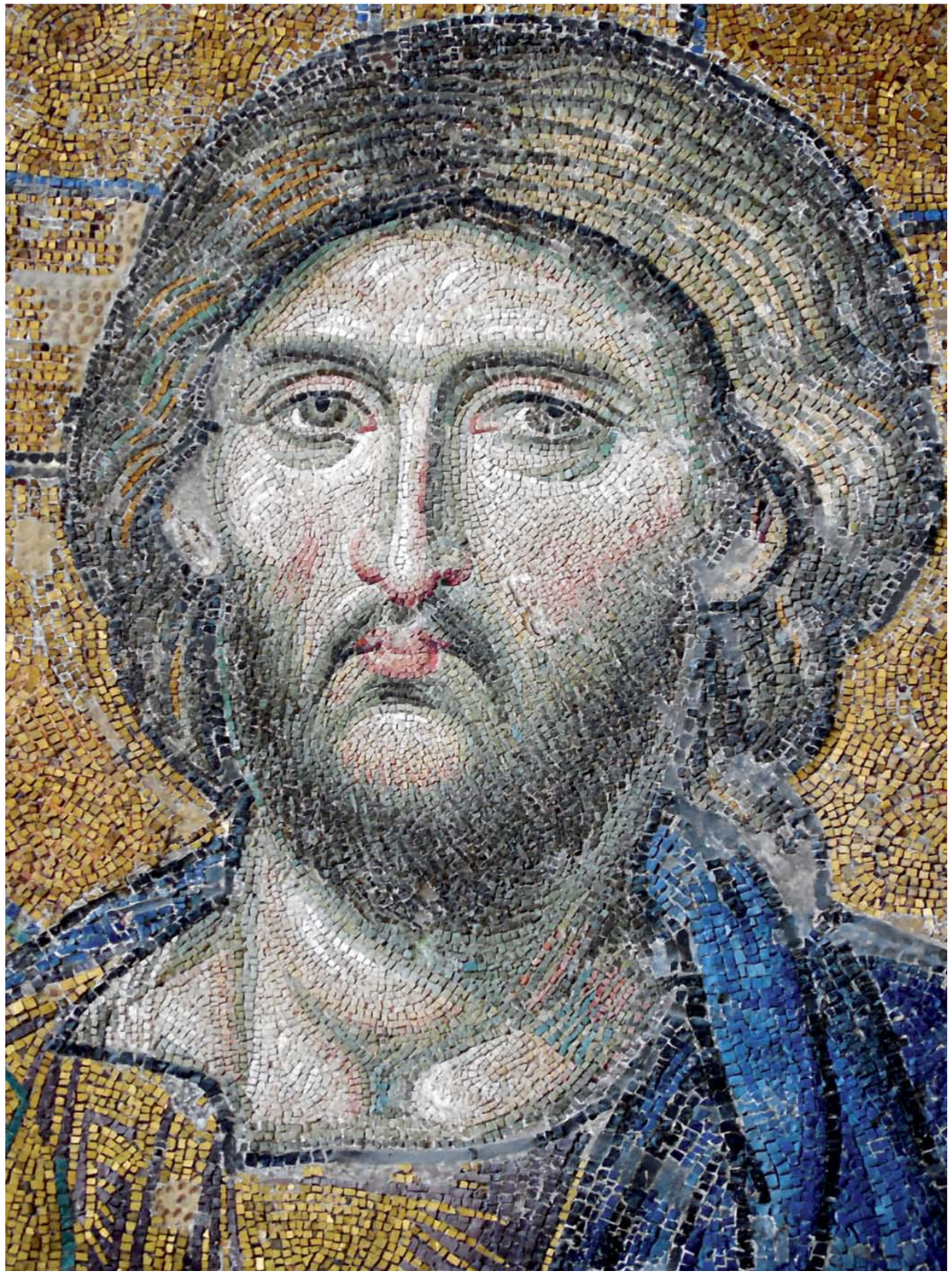
Византия уже долгое время — поле битвы. Причем, если мы говорим о Западной Европе, там эта битва давно проиграна, на протяжении столетий тенденциозно и абсолютно сознательно создавался антивизантийский миф. Окончательно всё разрешилось в XVIII веке, когда великий французский философ Вольтер назвал Византию «ужасной и отвратительной». Выражаясь современным языком, Вольтер и Монтескье, другой знаменитый просветитель, провели кампанию «черного пиара» против Византии и превратили ее в сознании образованных западных европейцев в некое чудовище. Надо сказать, во Франции XVII века, за поколение до Вольтера и Монтескье, о Византии знали намного больше, чем в других странах. Но «пиар-компания» просветителей прошла успешно…

В России философ, диссидент и интеллектуал Чаадаев почти слово в слово повторял «благоглупости» Монтескье. Можно сказать, что он сформировал российский антивизантийский миф. С первой половины XIX века мы видим ситуацию (которая во многом доживает до сих пор), когда именно вокруг Византии и отношения к ней строятся споры о природе, значении и смыслах российской государственности. Потому что как реакция на антивизантийский миф в России возникает миф провизантийский, который, упрощая, можно свести к знаменитой триаде графа Уварова — «православие, самодержавие, народность».

PRO ET CONTRA

Византию и ее наследие начинают использовать как обоснование русского самодержавия, как его духовный источник и образец, которому мы должны подражать. Эта идея российскому государству XIX века очень нравится. Не случайно мы видим, что в XIX веке доминирует неовизантийский стиль. Он создается при колоссальной поддержке со стороны действующей власти, когда по всей России начинают строить храмы в неовизантийском стиле, целая группа ученых, археологов, историков работает над идеологическим обоснованием этого стиля, яркое внешнее проявление которого — отказ от многоярусного иконостаса в пользу невысоких византийских алтарных преград. Самый известный пример этого стиля — храм Христа Спасителя в Москве.

Главные храмы российского государства с середины XIX века возводились как неовизантийские проекты, отражавшие самоидентификацию власти. А когда императрица Мария Федоровна, мать Николая II и жена Александра III, начала строить русские храмы по важнейшим городам Европы, то было придумано особое сочетание — снаружи храм должен был выглядеть как русская архитектура XVII века, а внутри — как византийский храм. Это то, что мы хорошо знаем по храму Спаса-на-Крови в Петербурге, Александра Невского в Ницце, русским храмам в Копенгагене, Вене, Париже. Как некая декларация «русскости» такой стиль, поддержанный на самом высоком уровне, пошел по всей Европе. Другое дело, насколько он соотносился с подлинной Византией. На мой взгляд, он был от нее весьма далек, но образец, источник был указан недвусмысленно. Мы хотим быть Новой Византией. Базовая идея была выражена с предельной наглядностью: наше прошлое, истоки русско-



Христос Пантократор из Деисуса. Южная галерея Софии Константинопольской, XIII в.

Император Юстиниан с моделью Софии Константинопольской в руках. Мозаичная икона над входом в храм, X в.

ОБЕ ИДЕОЛОГИИ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ВИЗАНТИИ, — ЭТО ДВА ЛОЖНЫХ МИФА, АНГАЖИРОВАННЫХ И ТЕНДЕНЦИОЗНЫХ. ЭТО СВОЕГО РОДА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ ЗА ВЕСЬМА КОНКРЕТНЫЕ ЦЕЛИ, НЕ ИМЕЮЩИЕ ПРЯМОГО ОТНОШЕНИЯ К ИСТИННОЙ ВИЗАНТИИ

го самодержавия, русское мироустройство коренятся в византийской традиции.

Но и антивизантийский миф продолжал свою работу. В умах большинства образованного класса, воспитанного на идеях французских просветителей, засело на уровне подсознания, что Византия — это плохо, ведь сам Вольтер назвал ее «ужасной и отвратительной», а Монтескье писал, что в ней не было ничего, кроме «тупого поклонения иконам», что византийское наследие бичевал героический диссидент Чаадаев. Всё это читалось, обсуждалось, и сегодняшний новый спор про Византию — он на самом деле старый, восходящий, по меньшей мере, к первой половине XIX века. У него были свои идеологи, а у каждой из сторон свои почитатели и ниспровергатели. Константин Леонтьев, написавший знаменитую работу «Византизм и славянство», стал идеологом провизантийского мифа. В ответ на нее значительно более крупный и влиятельный в среде русской интеллигенции философ Владимир Соловьев написал работу «Византизм и Россия», где все идеи Леонтьева отверг, критиковал Византию с западнохристианских позиций и вынес ей приговор: главный порок византийской цивилизации состоял в «полном и всеобщем равнодушии к историческому деланию добра, к проведению воли Божией в собирательную жизнь людей». Примечательно, что в современных спорах позиции сторон воспроизводятся практически без новых аргументов.

«ЧУМА НА ОБА ВАШИХ ДОМА»

Мое отношение к этой ожесточенной уже двухсотлетней полемике можно сформулировать предельно просто — «чума на оба ваших дома», вспоминая яркую формулу Шекспира. И та, и другая идеология, с точки зрения реальной Византии, — это два ложных мифа, ангажированных и тенденциозных. Это своего рода идеологическое оружие в борьбе за весьма конкретные цели, не имеющие прямого отношения к истинной Византии и понимания ее наследия. На мой взгляд, ключевым для понимания является художественное наследие, тот способ восприятия мира, который мы получили от Византии. Речь идет о некой системе ценностей, о которой мы практически ничего не знаем. Опять же в контексте ложных мифов всякое подлинное знание вытравляется на протяжении долгого времени.

И потому возникает ситуация, которая многим покажется знакомой. С одной стороны, мы чувствуем, что Византия для нас — что-то очень важное, присутствующее в нашей культуре, близкое и дорогое. Но при этом, если мы проведем семантический анализ современного русского языка, мы увидим, что слова «Византия» и «византийское» употребляются чаще всего в негативном контексте. Византийская политика, подковерные интриги, авторитаризм, отсутствие справедливого суда и т.д. И в этом смысле русский язык повторяет лингвистически опыт всех европейских языков, где слово «Византия» используется чуть ли не как ругательное. Единственное исключение — французское понятие «Byzance» — для обозначения невероятной, запредельной роскоши, роскоши на грани сумасшествия. Хотя и здесь до конца не понятно, положительный ли это контекст. Ситуация очень странная. На уровне образов, на уровне подсознания для большинства русских людей слово «Византия» сугубо положительное, воплощающее некие высокие смыслы. Множество людей интуитивно понимают, что это связано с глубинно важными пластами в нашей культуре. А с другой стороны, на уровне сознания и артикулированного языка слово «Византия» — ругательное… Внутренняя неартикулированная память о Византии существует у нас на фоне полного незнания, вопиющего невежества, поскольку в нашем образовании Византия отсутствует полностью. Она совершенно не входит в ту сумму знаний, которой должен владеть современный образованный российский человек.

ИКОНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Мы оказались лишены собственной идентичности. Потому что единственная идентичность русской культуры — это идентичность византийская. При этом очень важно опровергнуть абсолютно неправильный тезис, что византийская культура — неевропейская или «недоевропейская», своего рода второго сорта. Именно в таком виде она присутствует на уровне подсознания у среднеобразованного западного человека. Византия — это что-то полувосточное и в связи с этим опасное и, главное, принадлежащее к другой системе ценностей. Что отчасти правда, потому что эта система действительно резко отличается от западноевропейской, но из этого не следует, что византийская культура — не европейская. Напротив, если какая-то культура прямо и наследовала ценности античности, соединив их с христианской верой, то это была именно Византия. В Западной Европе этот синтез тоже произошел, но гораздо более сложным и постепенным образом, тогда как Византия получила это органично и с самого начала. Именно этот синтез она принесла в мир православного христианства, к которому принадлежат Россия, Балканы, Греция, Грузия, Румыния, Украина и другие страны. Всё это части византийской цивилизации, которые объединяет общая система ценностей, связанная с православной верой, но не совпадающая с ней. Поэтому совершенно справедливо говорить о двух ветвях европейской культуры — западноевропейской и византийской. Они разделяют общие ценности, но имеют каждая свою специфику.

Византийские сакральные сосуды, XI–XII вв. Сокровищница Сан-Марко в Венеции

СЛОВО «ВИЗАНТИЯ» ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ЧУТЬ ЛИ НЕ КАК РУГАТЕЛЬНОЕ. ЕДИНСТВЕННОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ — ФРАНЦУЗСКОЕ ПОНЯТИЕ «BYZANCE» — ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ НЕВЕРОЯТНОЙ, ЗАПРЕДЕЛЬНОЙ РОСКОШИ, РОСКОШИ НА ГРАНИ СУМАСШЕСТВИЯ. ХОТЯ И ЗДЕСЬ ДО КОНЦА НЕ ПОНЯТНО, ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ЛИ ЭТО КОНТЕКСТ

Император со сферой и акакией (мешочек с прахом) в руках. София Константинопольская, X в.

Что в этой связи кажется самым важным? В свое время я предложил назвать это «иконическим сознанием». Речь идет о несколько ином способе восприятия мира, согласно которому то, что мы видим, это не последняя, окончательная и, что особенно важно, не единственная реальность, кроме которой ничего нет. Человек живет в сознании того, что существует другая реальность. И то, что он видит, предполагает дополнительное измерение. И реальность может восприниматься как образ-посредник, переводящий в другую высшую действительность. Иными словами, восприятие видимого мира как некой иконы — образ другого мира. И присутствие этого другого измерения наряду с материально-бытовым и есть в конце концов самое важное, что определяет нашу систему ценностей.

Последовательное воплощение этого восприятия мира — в великих византийских иконах и храмовых пространствах, подобных «великой церкви» Софии Константинопольской, Иконе Богоматери Владимирской или «Троице» Андрея Рублева. Это относится к гораздо менее очевидным явлениям. Например, на мой взгляд, этот способ мировидения объясняет особый характер классической русской литературы XIX века. Потому что если мы задумаемся, чем Толстой и Достоевский отличались от своих великих западных современников Бальзака или Диккенса, то увидим, что Толстой и Достоевский как раз и представляют этот мир как образ другой реальности. Именно это составляет невероятную привлекательность их мировидения, их подхода, их литературного творчества.

МЕШОЧЕК С ПРАХОМ

Византийская империя была на редкость толерантна. Эту особенность сейчас подчеркивают ведущие западные византологи. Люди других вероисповеданий чувствовали себя там весьма комфортно. И евреи, и мусульмане, и христиане разных конфессий. Возникает закономерный вопрос, как объяснить эту странную для средних веков особенность? Возможно, это связано с тем, что в определенном смысле Византийская империя по замыслу была надконфессиональной и наднациональной структурой, хотя и имела государственную доминирующую религию. Более того, император воспринимался как главный защитник веры и одновременно главный защитник народа, причем самого простого народа, которого император в этой византийской модели должен был защищать от сильных мира сего. То есть не осуществлять, по известной нам до сих пор практике, власть сильных над слабыми, а именно защищать слабых. Это очень важная византийская парадигма, одна из самых важных, которые приходят на Русь.

НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ ПОВЕДЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ БЫЛО ПУБЛИЧНОЕ ПОКАЯНИЕ. ПРИ ТОРЖЕСТВЕННЫХ ВХОДАХ В СОФИЮ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКУЮ ИМПЕРАТОРЫ НЕСЛИ В РУКАХ МЕШОЧЕК С ПРАХОМ, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫЛ НАПОМНИТЬ И САМОМУ ВАСИЛЕВСУ, И ВСЕМ ПРИСУТСТВУЮЩИМ НЕ ТОЛЬКО О БОЖЕСТВЕННОМ ВЕЛИЧИИ, НО И О БРЕННОСТИ ЗЕМНОЙ ВЛАСТИ

Невероятный культ царя, который мы видим у нас вплоть до 1917 года, построен на этом самом византийском опыте и понимании царя как защитника народа перед лицом власти. Впрочем, у русских самодержцев, которые пытались представить себя византийскими императорами, не очень это получалось. Они не могли принять образ во всей его глубине и сложности. Неотъемлемой частью поведения византийских императоров было, например, публичное покаяние. Поскольку они одновременно ощущали себя и образом Божьим, и грешным человеком. При торжественных входах в Софию Константинопольскую императоры несли в руках мешочек с прахом, который должен был напомнить и самому василевсу, и всем присутствующим не только о божественном величии, но и о бренности земной власти. Это очень важный ритуал и обряд, который не был унаследован русским самодержавием во всех смыслах. И это одна из многих черточек, которая указывает на разницу, существовавшую между византийским императором и русским царем.

МАСКА И ЛИК

История про Византию — это история о лике и маске. Византия настолько глубокое, в чем-то противоречивое, но одновременно находящееся за пределом обыденного сознания явление, что этот лик очень трудно понять целиком, во всем его многообразии и высокой сложности. И поэтому из этого лика всё время делают маску, которую очень удобно использовать для идеологических споров. Эта маска бывает ужасна. Поэтому всякие попытки копировать Византию политически обычно приводят к краху. Могу предложить такое сравнение. Вот современный богомаз, едва научившийся писать красками, делает список с иконы Владимирской Богоматери. Старательно повторяя рисунок, расположение фигур Богоматери и младенца. По большому счету он делает грубую копию, лишенную и духовных смыслов, и высокой красоты оригинала. Но он всё равно говорит: «Вот это и есть Владимирская Богоматерь». И предлагает нам ей поклоняться, поскольку воспроизведена примитивная схема.

Это типичная византийская история — всё время вместо лика нам подставляют маску. И все споры ведутся на уровне масок. Одни делают из Византии страшную маску чудовищного тоталитарного государства, а именно так ее описывал главный американский мудрец-философ XX века Тойнби. Надо сказать, Тойнби ни на шаг не продвинулся вперед от Монтескье и повторял всё те же стереотипы. Только он сделал из этой ненависти к Византии историческое обоснование цивилизационного противостояния в холодной войне, представив Советский Союз как наследника Византийской империи. Всё это прекрасно вписывалось в теорию Третьего Рима, в тему претензий Советского Союза на мировое господство и всё такое прочее. Собственно говоря, тот уровень дискуссии, который мы имеем, это полемика на уровне масок. Одной — страшной, другой — благостной и сусальной. Но ни то, ни другое не приближает нас к пониманию Византии, которая была, для начала, на порядок сложнее.

КТО МЫ?

Использовать политический опыт Византии представляется мне бесплодной задачей. Мы не способны понять и воспроизвести всю эту систему институтов. Так же, как нам очень трудно представить себе образ кающегося государя, который одновременно и образ Божий. Но мы можем многое получить через осознание важности византийского наследия через элементарное образование. Мы можем обрести главное, чего нам как народу, обществу, цивилизации, на мой взгляд, не хватает. А именно — чувство собственного достоинства. Ведь мы не знаем, кто мы. Хотя абсолютное большинство населения нашей страны сходится на том, что мы все-таки европейцы. Отнюдь не азиаты, мы же не идентифицируем себя с китайцами или тюрками… Кстати, все жители Византийской империи разных национальностей и вероисповеданий называли себя «ромеи». По-гречески «ромеи» — это «римляне». То есть граждане, жители Римской империи. И это была в первую очередь религиозно-культурная идентичность.

МЫ МОЖЕМ МНОГОЕ ПОЛУЧИТЬ ЧЕРЕЗ ОСОЗНАНИЕ ВАЖНОСТИ ВИЗАНТИЙСКОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ЭЛЕМЕНТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. МЫ МОЖЕМ ОБРЕСТИ ГЛАВНОЕ, ЧЕГО НАМ КАК НАРОДУ, ОБЩЕСТВУ, ЦИВИЛИЗАЦИИ, НА МОЙ ВЗГЛЯД, НЕ ХВАТАЕТ. А ИМЕННО — ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА. ВЕДЬ МЫ НЕ ЗНАЕМ, КТО МЫ

Как вообще формируется идентичность, как выстраивается эта оппозиция — мы и они? На протяжении столетий в разных истори-

ВЕНЕЦИЯ В СВОЕ ВРЕМЯ МОЛИЛАСЬ НА ВИЗАНТИЮ И ПЫТАЛАСЬ УТАЩИТЬ ИЗ НЕЕ ВСЁ, ЧТО ТОЛЬКО МОЖНО. ВСЯ ЭТА КРАСОТА СОБОРА САН-МАРКО, И ВНУТРИ, И СНАРУЖИ — ЭТО ВСЁ СПЛОШНАЯ ВИЗАНТИЯ

ческих культурах она выстраивается по совершенно разным основам. Когда в Древней Греции эллин хотел отличить себя от варвара, он имел в виду под словом «эллин» определенную культурную идентичность. Да, мы прекрасно знаем, что у персов была своя великая культура. Но она была не эллинской. Поэтому для эллина они были варвары. Хотя объективно, с точки зрения современного словоупотребления, они варварами не являлись. В Средние века это была религиозная идентичность, которая продолжалась до XIX века. Тогда, как мы знаем, в паспортах указывалось только вероисповедание, а не национальность. Например, в паспортах Российской империи понятия национальности не было, было только вероисповедание. Если, скажем, бурят принимал православие, он становился православным. И никем другим. Это была средневековая модель. А все опасные игры, связанные с этносом, национальностями, идеями расового превосходства, зарождаются в XIX веке и расцветают в XX. Будем надеяться, что в XXI веке, хотя бы к его середине, все эти националистические мифы, стоившие человечеству так много крови, естественно вымрут или по крайней мере утратят свое влияние на умы миллионов.

ИМПЕРИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Интересно на всё это посмотреть с точки зрения современной политологии и ситуации в мире. Например, если в России византийское самосознание просыпается, то на Украине им и не пахнет, хотя Византия там повсюду, начиная с главного памятника Украины — собора Софии Киевской, с его великими мозаиками и византийской архитектурой. Одно из моих недавних интервью про Византию перевели на тамошнем историческом портале на украинский язык и опубликовали. Эффекта не было почти никакого. Потому что для них проблематика византийской идентичности практически не существует. Однако она там имеет принципиальное значение, потому что они тоже — «та самая Русь». Как кажется, само понятие Руси сейчас сильно утратило свою популярность именно потому, что оно имеет важный объединяющий смысл. И мы прекрасно знаем, что на Украине на протяжении нескольких десятилетий осуществлялась серьезная националистическая программа, пресловутая политика украинизации, кровавые плоды которой мы пожинаем сегодня. И, собственно, это единственная сфера, в которой местная власть достигла заметных успехов. Я с этим сталкиваюсь, общаясь со своими друзьями в Киеве, некоторые из которых являются жертвами этой пропаганды. Им долго и упорно вдалбливали, что они — не русские, что они — другие. И придумывали все возможности для того, чтобы объяснить их «инаковость». Идея, что Украина — не Россия, дала свои всходы в актуальной гражданской войне. Хотя мы видим по примеру других государств, что можно было этим путем и не идти, совершенно спокойно создавать свое государство, в том числе и национальное, по модели, скажем, Белоруссии или Казахстана.

Конечно, у национального государства есть какое-то свое обаяние. Но оно при этом всегда местечковое. Оно всегда обеспечивает некое преимущество титульной нации. И всё под эту нацию подтягивает. Мне кажется, достаточно очевидно, что Россия и Украина как государства пошли совершенно разными путями. Хотя стартовые условия были похожи. Россия в своих амбициях возвращается к идее империи, хотя и невероятно усеченной и искаженной. А Украина пытается реализовать сценарий такого сугубо национального государства.

Если задуматься всерьез о смыслах, то речь идет именно о глобальных путях развития. О типе государства, если хотите. И вот это пока единственное обоснование того, что происходит. Но всё это очень далеко от Византии. Мне кажется, чем скорее Украина и украинцы поймут свою византийскую идентичность, тем легче им будет существовать в рамках той же западноевропейской цивилизации, в которую они так стремятся. Потому что сейчас их могут принять только в статусе очень бедных родственников, что называется, в самом последнем ряду. И, собственно говоря, единственная модель отношений — это «перевоспитание второгодников», которые должны выучить все правила, всю систему ценностей. И не более чем воспроизводить ее в меру своего разумения. И быть наказуемыми в тот момент, когда они воспроизводят эту систему плохо или неправильно. Не уверен, что большинство жителей Украины такой сценарий устроит. Как он не устроил некогда очень послушных греков.

ИОСИФ БРОДСКИЙ И НЕНАВИСТЬ К ИМПЕРИЯМ

Иногда нападки на Византию выливаются в попытке смешения ее со всеми другими «страшными» империями и в первую очередь с империей Османской, которая стала образцом деспотичной восточной власти. И эта идея доживает до нашего времени, увлекает великого поэта Иосифа Бродского, который написал целое эссе Flight from Byzantium («Бегство из Византии»). Он написал его по-английски. Очень остроумное название, Бродский обыгрывает здесь знаменитое стихотворение поэта Йетса, известное почти каждому образованному школьнику — Sailing to Byzantium («Плавание в Византию»). И в этом тексте такой мистический, сказочно прекрасный образ Византии, загадочного царства. Но Иосиф Бродский, приехав в современный Стамбул, в Византии ничего, кроме наследства Османской империи, не увидел. И, собственно, пошел по пути Тойнби и объявил, что Османская империя, Византийская империя, Русская империя и наследовавший ей Советский Союз с его либерально-западнической колокольни — варианты одного и того же тоталитарного безобразия.

И это, к сожалению, очень распространенная позиция. Потому что люди, пишущие на эти темы, обычно легко подключаются либо к тому, либо к другому мифу и начинают драться тем оружием, которое у них под рукой. А истина и высокий смысл находятся просто на другом уровне. И это, надо сказать, большинство людей чувствуют. Они чувствуют инстинктивно ложь, но при этом у них нет возможности свою позицию аргументировать. А их пытаются затащить либо под те, либо под другие знамена. И вместо понимания Византии происходит ее искажение.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ КАК НАГРАДА

Меня часто спрашивают: когда мы говорим о Византии, можно ли извлечь какой-то урок из ее судьбы для настоящего времени? Урок состоит в том, что она была, и это наше великое достояние. В истории этой империи, как и в истории любого государства, было много разного. Но, уверяю, жестокости, коварства и других мерзостей там было ничуть не больше, чем в истории других государств. Византия, конечно, не была идеальной, белой и пушистой. Но она была великой. Это цивилизация, которая породила великую культуру, хотя нам пытаются сказать: как же, где эта великая культура, она же ничего не создала?! Так говорят люди, которые ничего не

Константинопольская золотая икона с образом Архангела Михаила, XI в. Сокровищница Сан-Марко в Венеции

СЕГОДНЯШНИЙ «НОВЫЙ» СПОР ПРО ВИЗАНТИЮ НА САМОМ ДЕЛЕ — СТАРЫЙ, ВОСХОДЯЩИЙ, ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ, К ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Чудотворный столп с мощами св. Григория Чудотворца в углу Софии Константинопольской, обложенный медными плитами. По византийскому преданию они даруют прикасающимся исцеление. Посетители со всего мира вставляют большой палец в отверстие в плите и делают им полный круг, что обещает процветание в будущем

знают. Ведь, скажем, всеми обожаемая Венеция в свое время молилась на Византию и пыталась утащить из нее всё что только можно. Вся красота собора Сан-Марко, и внутри, и снаружи — это всё сплошная Византия. Венеция каждый камушек, украденный в Константинополе во время Четвертого крестового похода, всадила, образно говоря, в эти соборные стены.

Византия до разрушения и разграбления ее в 1204 году была недостижимым идеалом практически для всего мира. Это был город невероятной красоты и чистоты, бесконечных храмов, дворцов и садов, центр высочайшего ремесла и мировой торговли. Византия сохранила все цивилизационные знания, которые были в Римской империи, но еще и добавила к ним духовные смыслы. Есть описания западных путешественников, которые приходили в Константинополь. В изумлении и восхищении смотрели они на многообразие народов, роскошь одежд, невероятные сокровища Константинополя, включая древнегреческие и римские памятники. Византийцы жили в пространстве, наполненном античностью. Это была христианская империя, но в ней всё античное наследие жило в виде статуй, стоявших в центре города, на основных улицах и площадях.

Хотелось бы сделать эту «византийскую сказку» реальностью, даже если только на уровне образования, духовной культуры и идентичности. Надо понять, откуда мы, избавиться от огромного количества комплексов, которые есть в нашем обществе. Причем большинство этих комплексов связаны именно с осознанием того, что мы какие-то особенные. А в чем наша особенность, мы совершенно не понимаем. Она — в восприятии мира, в особой системе ценностей.

Есть много желающих доказать, что всё это очень вредные идеи, что Россию давно пора «понимать умом». Так сказать, пойти на выучку к правильным странам, зажить «правильной» жизнью, пусть даже несколько второсортной, не претендуя ни на какие «иконические сознания». Такая модель развития была предложена России не раз. Но почему-то она наш народ не устраивает. И для меня в этом некий источник оптимизма.

Понимание принадлежности к другой системе ценностей — не повод к конфликту, а уход от него. Повторяю, мы с западными европейцами имеем одни истоки. И у нас, и у них — синтез античности и христианства. Но просто он реализован был в разных формах… Поэтому прежде всего нам надо заняться некоей последовательной духовной работой. Без агрессии по отношению к другим народам, без традиционного русского фанатизма, что мы — самые лучшие, но нас никто не любит. Обретя через осознание своих византийских корней чувство собственного достоинства, мы сможем, наконец, на равных разговаривать с миром. Подчеркиваю, не с превосходством, не с тем, что мы такие великие и знаем высшую истину. Но с сознанием византийских европейцев, которые унаследовали свою ветвь европейской культуры. Только это позволит нам плодотворно общаться не только с Америкой и Западной Европой, но и с Индией или Китаем, у которых эта идентичность вполне присутствует.

Вы знаете, если бы не было революции, Россия должна была получить по всем договорам Константинополь и проливы. Это была ее награда за Первую мировую войну. Но мы сами лишили себя этой награды. Однако духовная награда, связанная с обретением византийского наследия и культурной идентичности, может стать не в пример более значимой и плодотворной.

София Константинопольская, VI в.